

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ГЕННАДИЙ СОРОКИН

Смерть
ранним утром

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художник — *Алексей Дурасов*

Сорокин, Геннадий Геннадьевич.

С65 Смерть ранним утром / Геннадий Сорокин. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-231335-6

Ранним апрельским утром 1979 года на въезде в один из сибирских городов грубо нарушает правила водитель «Волги». Бросивший за ним в погоню автоинспектор вскоре обнаруживает автомобиль нарушителя вылетевшим с трассы. Машина повреждена, водителя за рулем нет. В багажнике — убитая молодая девушка... Оперуполномоченный Иван Абрамов устанавливает, что «Волга» принадлежит известному в городе теневому богачу Василию Клопову. Жертва — его недавняя любовница, которую он уличил в измене. Кажется, все ясно. Остается найти беглеца. Однако вскоре дело приобретает более широкий и опасный масштаб...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231335-6

© Сорокин Г.Г., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В апреле погода показала, что весной в Сибири она может быть изменчивой, как настроение у капризной девушки. В понедельник в областном центре наступило тепло. Растаяли последние сугробы. По клумбам у домов деловито зашагали грачи, ловко выдергивая из-под земли рано проснувшихся насекомых. По асфальту забегали трясогузки, весело подергивая хвостиками. Во вторник школьники пошли на учебу без курток и головных уборов.

В среду погода резко изменилась. Подул холодный ветер. Небо потемнело от туч. В четверг повалил снег. Он шел почти сутки, не переставая. Рано прилетевшие из теплых краев птицы попрятались в прошлогодних гнездах или под крышами домов. Набухшие почки передумали распускаться. Детвора после школы начала лепить во дворах снеговиков. Старшеклассники, выбежав покурить за угол школы, ежились от холода и с ностальгией вспоминали прошлый год, когда никаких повторов декабрьской стужи не было. В пятницу пошел дождь и за день смыл выпавший накануне снег. От избытка влаги колхозные поля вокруг областного центра превратились в непролазное месиво, по которому ни пешком пройти, ни на грузовике проехать.

После пятничного дождя около поста ГАИ на южном въезде в город образовалась лужа. По утвержденному в самых высоких инстанциях проекту на асфальтовой

дороге с двускатным покрытием дождевая вода не могла оставаться на проезжей части. Сила притяжения Земли должна была сгонять ее на обочину и далее — в канаву. Но около круглосуточного милицейского поста на южной окраине города законы всемирного тяготения не действовали, и лужа после каждого ливня появлялась вновь и вновь.

С первого дня ее появления милицейское начальство потребовало от дорожных служб устранить дефект покрытия, но получило отказ. Инженер по эксплуатации дорог объяснил начальнику городского ГАИ, что при строительстве дороги нарушений в технологии укладки асфальта допущено не было. Появившаяся на проезжей части невидимая глазу впадина образовалась из-за перепада дневных и ночных температур в осенне-весенний период.

Начальник ГАИ с климатическими и географическими особенностями расположения поста спорить не стал и о дефекте дорожного покрытия забыл. Лужа у поста особых неудобств милиционерам не доставляла. Водители перед постом ГАИ заблаговременно сбрасывали скорость, и брызги из-под колес их автомобилей в окна поста не долетали.

Единственное более-менее серьезное происшествие произошло зимой 1977 года. Начинаящий водитель перепутал педали и надавил на тормоз там, где не надо было менять скорость вообще. Его легковушку за обледеневшей луже занесло, и она плавно чиркнула бампером по борту стоящего около поста патрульного автомобиля ГАИ.

Старшим наряда в этот день был сержант Москвин, опытный уса́тый мужчина лет тридцати пяти. Увидев происшествие в окно, он вышел наружу, осмотрел повреждение служебного транспорта.

СМЕРТЬ РАННИМ УТРОМ

— Что же вы, товарищ водитель, государственное имущество портите? — строго спросил он насмерть перепуганного автолюбителя. — Пойдемте на пост, составим протокол. Повреждение служебного автомобиля — это подсудное дело. Года три могут дать.

— Какой суд, вы что? — взмолился автолюбитель. — Я... тут...

Москвин терпеливо выслушал оправдания нарушителя и сочувственно сказал:

— Все понимаю: нет опыта зимнего вождения, лужа, лед. Но кто-то же должен будет заплатить за ремонт патрульного автомобиля? Не из своего же кармана мне покраску кузова оплачивать? Такая глубокая царапина рублей на тридцать потянет.

Автолюбитель тут же заплатил сумму причиненного ущерба и был счастлив, что так легко отделался. Москвин и напарник поделили деньги между собой, начальству сообщать о происшествии не стали.

Повреждение кузова патрульных «Жигулей» механик гаража городского ГАИ обнаружил только через неделю. Он попытался выяснить, в чью смену был поцарапан автомобиль, но результатов не добился. Патрульные милиционеры ГАИ служебную и государственную тайну хранить умели.

Командир взвода дорожно-постовой службы ГАИ Юрий Гойко заступил на суточное дежурство в пятницу, 20 апреля 1979 года. Гойко было тридцать восемь лет. Когда знакомые узнавали, что он по званию всего-навсего старший лейтенант, лица их становились скорбными и недоуменными. «Это каким разгильдяем надо быть, чтобы после восемнадцати лет службы в милиции на офицерской должности носить погоны старшего лейтенанта?»

Но они были неправы. Гойко был, наверное, лучшим командиром взвода дорожно-патрульной службы ГАИ

во всей области. Его карьерному росту препятствовало гипертрофированное чувство ответственности и неподкупная честность. Гойко не любили начальники, сослуживцы и подчиненные, водители на дорогах и даже жена. Вполне возможно, что его недолюбливали бы и собственные дети, но у Гойко их не было.

Руководству городского ГАИ не нравилось отношение Гойко к водителям автопарка обкома КПСС и приравненных к нему структур. Автомобили руководства области имели особые номерные знаки, формально не дающие никаких преимуществ, но на практике решающие все: там, где обычного водителя оштрафовали бы за нарушение правил дорожного движения, к водителям из гаража облисполкома или райкома партии претензий не было. Гойко был единственным человеком в городском ГАИ, кто останавливал и беспощадно штрафовал личных водителей партийно-хозяйственного руководства области. Сильные мира сего жаловались на Гойко начальнику ГАИ и даже генералу, но все было тщетно. Гойко по службе замечаний не имел.

Как-то раздраженный очередным звонком из облисполкома начальник ГАИ велел замполиту управления проверить конспекты Гойко по политической подготовке, найти в них недостатки и объявить ретивому сотруднику выговор по партийной линии. Замполит проверил конспекты командира взвода ДПС и доложил руководству, что конспекты Гойко можно на выставку посылать как образец добросовестного подхода к изучению трудов классиков марксизма-ленинизма и материалов XXV съезда КПСС.

Коллеги и подчиненные не любили Гойко за его показную чрезмерную честность — за восемнадцать лет с полосатой палкой в руках он не только ни разу не принял мелкое подношение со стороны проштрафившегося

водителя, но и никому из подчиненных брать взятки не давал. Обычно водители, совершившие небольшое правонарушение, стремились «решить вопрос на месте». В водительское удостоверение проштрафившийся шофер вкладывал трешку или пять рублей и отдавал права на проверку инспектору. Сотрудник ГАИ ловким жестом освобождал документы от денег, делал водителю внушение и отпускал с миром.

Такая система устраивала всех, кроме Гойко. Если он брал в руки права с вложенной купюрой, то тут же начинался скандал: «Вы что, гражданин, взятку мне решили дать?»

Когда Гойко приезжал летним вечером в воскресенье на пост ГАИ, у сотрудников дежурной смены скучнели лица. Воскресенье — самый «наваристый» день недели! Кто-то из водителей возвращается с дачи с отголоском вчерашнего возлияния, кто-то скорость нарушает, стремясь поскорее попасть домой. Один взмах жезлом — и трешка гарантированно в кармане. За вечер, если постараться, можно было жене на приличную кофточку заработать. Но если на посту был Гойко, то заработать можно было только почетную грамоту за проявленное усердие в работе. Грамота — это очень хорошо, только вместо кофточки ее не наденешь и подружкам не покажешь.

Жена Гойко считала супруга идиотом, который не может ей на приличные сапоги заработать. Узнав об очередной почетной грамоте, она тяжело вздыхала: «Господи, за что мне такое наказание? Даже у простых гаишников жены в финских сапогах ходят, а я бурки войлочные ношу, как школьница из бедной семьи».

Гойко эти причитания не волновали. В быту он был неприхотлив: одевался скромно, дома и в столовой ел то, что дают, по комиссионным магазинам в поисках

заграничных диковинок не рыскал. Если его супруга ходила в бурках в стиле «прощай, молодость», то это была ее личная проблема. Гойко отдавал жене всю зарплату до копейки и не интересовался, куда супруга тратит деньги.

21 апреля утром, перед окончанием суточного дежурства, он решил проверить несение службы на посту на южном въезде в город. Около шести утра Гойко подъехал к панельному двухэтажному строению с неоновыми буквами «ГАИ» на крыше. Встречать его вышел сержант Москвин, смена которого подходила к концу. Выйдя из автомобиля, Гойко поморщился при виде лужи и стал распекать Москвина за бардак у поста.

— Вы вдвоем с Сидоровичем давно бы метлами эту лужу согнали! Сейчас, утром, движения на дороге почти никакого нет, а вы сидите на посту и носа наружу не высунете.

— Прошу прощения, товарищ старший лейтенант, но я — инспектор дорожно-патрульной службы, а не дворник, — с достоинством ответил Москвин. — В мои служебные обязанности махать метлой не входит.

В милиции было не принято называть коллег по званию. Обращаясь к начальнику «товарищ старший лейтенант», Москвин как бы подчеркивал ничтожность звания командира взвода и его невысокий пост в городском ГАИ. К слову сказать, начальник городского отдела ГАИ Семен Разуваев был ровесником Гойко, подполковником милиции, уважаемым человеком. С начальником ГАИ за руку здоровался первый секретарь горкома партии, а это уже что-то значит!

Гойко не стал спорить с Москвиным, прошел внутрь помещения, сделал запись в журнале несения службы. Ровно в шесть часов тридцать минут он вышел к своему автомобилю — «Жигулям» ВАЗ-2101 желтого цвета

с синей полосой вдоль кузова. На крыше его автомобиля был мегафон и проблесковый маячок синего цвета. На багажнике машины и бортах синими буквами было выведено «ГАИ».

Проводить начальника вышел один Москвин. Его напарник по указанию Гойко занялся наведением порядка внутри поста.

Автомобиль «Волга» ГАЗ-2401 черного цвета двигался по трассе в направлении города со скоростью не менее ста километров в час. Сама по себе такая скорость около поста ГАИ была неслыханным хамством, которое не позволяли себе даже водители партийных боссов. Пост ГАИ — это священное для всех участников дорожного движения место, мимо которого следовало проезжать неспешно, демонстрируя уважение к владельцам магической полосатой палки, способной одним взмахом превращать воздух в рубли.

Но водитель «Волги» соблюдать условности и правила дорожного движения не собирался. Мало того что он несся как угорелый, он еще и умышленно наехал на лужу, подняв целый фонтан брызг. Гойко оказался облит грязной водой с ног до головы. Москвину досталось поменьше, так как он успел присесть за патрульный автомобиль командира взвода.

— Вот ведь подонок! — воскликнул ничего не понимающий Гойко. — Он же специально на лужу наехал.

— Что-то Васек сегодня не в духе! — стряхивая брызги, сказал Москвин. — Наверное, его молодая чувиха...

— Чего? — завопил на всю округу Гойко. — Что ты сказал? Чья это машина?

— Клопова, если он номера не поменял.

— Я этому сукину сыну покажу, как по лужам ездить!

Гойко запрыгнул в автомобиль, повернул ключ зажигания, но двигатель не завелся.

— Сволочь! — не вылезая из-за руля, закричал Гойко. — Я этому мерзавцу механику в гараже говорил, чтобы он зажигание посмотрел, а он, сукин сын, меня на конец месяца в очередь поставил.

С третьей попытки автомобиль все-таки завелся. Гойко с места дал по газам и помчался за нарушителем. Он был уверен, что до въезда в город успеет догнать «Волгу». Да и как не догнать, если Гойко был кандидатом в мастера спорта по автомобильным гонкам? Его «Жигули» по всем показателям уступали «Волге», но мощность двигателя на трассе — не самое главное! На поворотах дерзкий правонарушитель обязательно сбросит скорость, а Гойко пройдет повороты на полном ходу, с лихим заносом, под визг еще не изношенных покрышек...

Через две недели Москвин будет давать показания следственной комиссии областного УВД. Описывая момент, когда Гойко помчался за нарушителем, Москвин заверит членов комиссии, что Гойко, начав движение, включил проблесковый маячок и проверил исправность мегафона. Но это было не так. Гойко маячок не включал и тумблером мегафона не щелкал.

За три километра до въезда в город дорога делала крутой поворот, о котором заранее оповещал соответствующий дорожный знак. Именно в этом месте Гойко планировал догнать «Волгу», и он ее действительно догнал! «Волга» была в кювете. Опытным взглядом Гойко оценил обстановку и пришел к выводу, что водитель «Волги» перед опасным участком дороги не сбросил скорость, не вписался в поворот и вылетел за пределы проезжей части метров на десять. От удара у «Волги» раскрылся багажник, в котором лежало что-то белое, похожее на тюк с постельным бельем, завернутый в простыню. Самого водителя видно не было.

Гойко включил проблесковый маячок, остановил автомобиль у обочины, вышел на трассу. Место, куда «приземлилась» преследуемая им «Волга», было участком вспаханной с осени земли. После снегопада и дождей земля вокруг «Волги» превратилась в болото из вязкой полужидкой грязи. Спускаться вниз Гойко не хотел, но было надо! Он был обязан оказать первую помощь попавшим в дорожно-транспортное происшествие водителю и его пассажирам, если они были.

Шагнув к обочине, Гойко поморщился от досады: крутой спуск с дороги был таким скользким, что спуститься с него, не упав, было делом затруднительным. Гойко всмотрелся в багажник «Волги» и похолодел от догадки: в нем был не тюк из простыней, а человек, вернее, женщина, одетая в светлую одежду.

— Эй, ты что там делаешь? — крикнул Гойко. — Вылезай немедленно! Нашла где лежать...

Тут до командира взвода ДПС дошло, что по доброй воле женщина бы в багажник не полезла. Проверив кобуру с пистолетом, Гойко шагнул вниз, конечно же, поскользнулся и проехал по склону на заднице до самого конца. Выругавшись, он встал, инстинктивно отряхнул форменные бриджи, еще раз посмотрел на «Волгу». Сомнений не было! В багажнике лежала женщина в светлой одежде. Водителя «Волги» в автомобиле не было.

Гойко пошел вперед, увязая сапогами в грязи по самую щиколотку. Подойдя к машине нарушителя, он еще раз осмотрелся. Водителя точно не было. Он успел скрыться с места происшествия до приезда Гойко. Сотрудник ГАИ осторожно подошел к «Волге» со стороны багажника.

— Господи, только не это! — взмолился Гойко.

Но в небесной канцелярии не услышали его молитв. Там, надо сказать, скептически относятся к просьбам

атеистов и, как правило, их игнорируют. Ангелов из небесной канцелярии можно понять: если на мольбу каждого атеиста откликаться, то на настоящих верующих времени не останется. Тут, как говорится, или-или! Или Маркса читай, или Библию изучай — третьего не дано.

Гойко в растерянности стоял около «Волги». Самые худшие его предположения воплотились в кошмар. В багажнике престижного автомобиля лежала, свернувшись калачиком, поджав ноги к груди, молодая светловолосая девушка. На виске у нее было аккуратное небольшое круглое отверстие, из которого совсем недавно перестала течь кровь.

Под капотом автомобиля что-то неожиданно шелкнуло. И без того напряженные нервы Гойко сдали. Он рывком выхватил из кобуры пистолет и закричал:

— Клопов, сволочь, выходи! Я все равно тебя найду, где бы ты ни прятался! Выходи, гад, покажи свою рожу! Выходи, тварь, или я стрелять буду!

Ответом ему была тишина. На трассе, кроме Гойко и убитой девушки, никого не было.

2

Дежурный по городскому УВД поднял Агафонову с постели в 7 часов 14 минут. Выслушав сообщение об обнаружении трупа неизвестной девушки, он уточнил, в каком районе города обнаружено тело, и велел приехать за ним автомобиль.

Супруга Агафонова по разговору поняла, что мужа вызывают на работу, и пошла готовить завтрак. В случае экстренного выезда на место происшествия рано утром в семье Агафоновых каждая минута была заранее расписана. Глава семьи, положив телефонную трубку, пошел умываться.

Независимо от того, какую должность занимал Агафонов, он всегда был гладко выбрит. Чтобы утром не терять время на бритье, он скоблил щеки и подбородок безопасной бритвой вечером, перед тем как лечь спать.

Пока глава семьи приводил себя в порядок, жена поставила чайник, сделала два бутерброда. Один с вареной колбасой, другой — с маслом. Хлеб на бутерброды был нарезан толстыми кусками, чтобы сытнее было. Выйдя из ванной, Агафонов быстро позавтракал, приправив бутерброды доступными специями. На масло он насыпал соли, чтобы насытить организм необходимыми микроэлементами, на колбасу натряс черного молотого перца из перечницы. С перцем вареная колбаса была вкуснее. Других приправ в доме не было.

Ровно через пятнадцать минут после получения сообщения о преступлении Агафонов вышел во двор, сел в подъехавший служебный автомобиль и поехал по адресам поднимать с постели остальных участников оперативной группы, домашних телефонов не имевших. Первым к нему присоединился Абрамов, толком не успевший даже умыться. Вторым они забрали инспектора уголовного розыска Сизикова. С ним Агафонов еще не успел познакомиться. Сизиков вернулся с учебы за неделю до назначения Агафопова на новую должность.

С прежним местом работы Агафонов вынужден был распрощаться, так как вовремя понял, что тучи над ним стали постепенно сгущаться и мрак может наступить в любой момент.

С должности начальника уголовного розыска Кировского РОВД в Машиностроительный отдел милиции Агафопова перевели в приказном порядке, не спрашивая его согласия. Должность заместителя начальника районного отдела милиции по оперативной работе была